

Материальность миграции: вещи в устных историях о переселениях старообрядцев

Наталья Сергеевна Душакова

(Российский государственный гуманитарный университет,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации, Москва, Россия)

ORCID ID: 0000-0003-4486-5367

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центр научного проектирования

Российского государственного гуманитарного университета

125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6

Тел.: +7 (495) 250-69-31

Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при президенте
Российской Федерации

119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82

Тел.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: dushakova@list.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2019.14

Аннотация: Статья посвящена исследованию материального мира мигранта на основе анализа одного из самых значимых для семейной памяти старообрядцев села Сарикёй (Румыния, уезд Тулча) сюжета о переселении на историческую родину в 1947 г. На материалах интервью, записанных в 2016 и 2018 гг., рассматривается, каким образом вещи, которые старообрядцы берут с собой при переселении, формируют их повседневность в миграции и на новых местах жительства; какие предметы они считают значимыми для поддержания привычного жизненного уклада и связи поколений. В качестве важнейших вещей в нарративах местных жителей фигурируют предметы: а) обеспечивающие сам миграционный процесс (транспорт, документы); б) формирующие повседневность (дома, церковь, иконы, одежда, удочки для ловли рыбы); в) обеспечивающие сохранение значимых социальных связей (письма, фотографии).

Ключевые слова: *старообрядцы, переселение, мир мигранта, материальность, устные нарративы, Сарикёй*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10091).

Одним из самых значимых сюжетов для семейной памяти старообрядцев села Сарикей (Румыния, уезд Тулча) является история переселения жителей села («триста семей выехали») в 1947 г. в СССР в рамках программы репатриации соотечественников. Практически в каждом доме есть свидетельства о причастности к этому событию. Если зайти в дом и попросить показать фотографии, рассказать что-то о местной истории, то вам непременно расскажут о переселении на историческую родину или покажут фотографию, на которой будет изображено, например, то, как встречали в 1970 г. своих родственников, в 1947 г. вернувшихся в Советский Союз: «Всем селом собирались, про роду свою спрашивали» (Ч, жен., 1948 г.р.).

Ил. 1.
Село Сарикей (Румыния) на карте

Массовое переселение в СССР из Румынии в 1947 г., организованное советским правительством в целях пополнения человеческих ресурсов и восстановления народного хозяйства, пострадавшего в период войны, происходило двумя потоками. Первый – из сел Журиловки и Гиндерешта (Новенького) в Краснодарский край: в Ейский район (поселения Воронцовка и Кухаривка) и Темрюкский – поселок «За Родину». Второй – из сел Сарикей, Каркалиу (Камень, Каменка), Слава Русская и Слава Черкесская через Одессу в Астраханскую область (с. Успех Камызякского р-на и с. Речное Харабалинского р-на) и в Краснодарский край (хутора Новопокровский и Новонекрасовский) [Зудин, Власкина 2016, 19–20].

В статье я останавлиюсь на воспоминаниях жителей села Сарикей о переселении 1947 г. Таким образом, эмпирическую основу исследования составляют устные нарративы старообрядцев, зафиксированные мной в 2016 и 2018 гг. Интервью проводились как с жителями села, участвовавшими в переселении, так и с их односельчанами, которые по разным причинам остались в селе (мужчины и женщины 1935–1947-х г.р.), родственниками и потомками тех, кто вернулся на историческую родину (мужчины и женщины 1935–1980-х г.р.). Кроме того, в качестве источников привлекаются и фрагменты интервью с местными жителями разных возрастов, которые знают о событии только по рассказам соседей. Всего в Сарикее было записано 30 интервью.

Практически в каждом семейном фотоальбоме сегодня хранятся фотографии родственников, которые переселились на историческую родину, их встреч в Сарикее в 1970-е гг. Именно глядя на подобные фотографии, мои собеседники рассказывали о миграции в СССР: «Так это было в голодный год...»

Сегодня в селе Сарикей проживают три семьи, которые в 1947 г. переселились в СССР, а позже вернулись обратно. Члены этих семей были маленькими детьми, когда происходило переселение, но они до настоящего времени сохранили о нем живые воспоминания. Так, одна из моих собеседниц, глядя на фотографию, вспоминала:

...Тогда голодный год был. И у мамы два брата тут жили. А мама была замужняя у Славы. Слава Черкеза [рум. Slava Cercheză; старообрядческое село, которое находилось неподалеку от Сарикей. – Н.Д.]. И стали

же уезжать братья и говорили: «Марийка, когда и ты с нами поедешь?» Ну, и она согласилась, маменька. А мне был годик и два месяца. Ну, теперь поехали, первый раз в Саратов заехали. И теперича в Саратове дали бараки, куда же они остались там, бараки [то есть их поселили в бараки. – *Н.Д.*]. Два брата, они... целый пароход поехал, не только же три фамилии [*рум. familia* – семья. – *Н.Д.*]. И там вот когда... как же будем жить в бараках, и делали как стенки и одна фамилия, другая фамилия, третья. А моя мама дюже была законница [соблюдала церковные правила. – *Н.Д.*]. Законница. И там, в Саратове, не было церкви. Теперича и те братья. И как мама моя, родители говорят: «Поедем мы дальше». И поехали в Астрахань. Поехали в Астрахань. Теперича в Астрахани – не в Астрахань, город Астрахань, а село Успех называется. И поехали туда. Теперича там... Всё, дали им одну бараку длинную и всё – остались тут. Сколько попоехало их! Какие там, какие... В какие края поехали! Ну, все там, мама моя полюбила тоже в церкву ходить. [А там была церква, да?] Не, ещё не была. В Успехе не было церкви, была церква – аж надо было ехать, проезжать паром, и надо было как бы Волгу и ехать в Астрахан. А тутотка не было ещё <...> Ну, теперича мама моя да говорит: «Ой же, в церкву далёко». А она же любила всё время. И теперь: «Поедем мы подальше». И братья остались там, а мама с папой... И поехали в Бендеру. У Бендеру. Поехали у Бендеру. И за собой тягают меня, а было же надо кушать чего-то, голодный год. Я... как папа мой остался работать как... он в ферме, как бы сказать, работал у... вот... да, как был помощник, как бы сказать. А мама себе там тоже в больнице работала. Теперича она говорит: «Ой, – говорит, – голодный год. Варить – уже сами варили. Пойдёт батька, – говорит, – на степь, где вот картошку убирали, пойдёт, такую маленькую соберёт, – говорит, – казан принесёт, кольки сможет. И, – говорит, – наварим. Чего же... Да, – говорит, – скорее тебя же хотели кормить». Ну, теперича побыли кольки у Бендеры, пристали же, пристали и стали, жили потом уже. На мясокомбинате работал. У Бендерах. А маменька работала, где фрукты, там всё в Бендерах, да и город Бендеры, предместье Борисовка, улица Кишинёвская, номер 28. Вот это наш дом был тама. [А в каком году там, в Бендерах, оказались?] Дочечка, я тут не знаю, не може знать. Кажется, мы поехали в 47-м году. Отсюда поехали в 47-м году. Но не прошло, кажется, много – было мне, кажется, годика три, когда я... когда в Бендерах уже мы очутились. И тамотка помогли в Бендерах, уже папа стал работать и... [Через девять лет семья вернулась в Румынию: дедушка написал письмо, в котором позвал домой. – *Н.Д.*] (Л, жен., 1946 г.р.).

Ил. 2.

Родственники, уехавшие в Россию в 1947 г., навещают родных в с. Сарикей.
Фото 1970 г.

В приведенном фрагменте интервью, как и в записях других нарративов, обращает на себя внимание сюжет о поиске подходящей старообрядческой церкви. Многие старообрядцы, которые после переселения в СССР оказались в селах Успех и Речное Астраханской области, не хотели оставаться там на постоянное место жительства из-за того, что старообрядческая церковь в округе находилась далеко, а в самих селах ее не было. По воспоминаниям, советские власти обещали привезти священников в те села, куда переселяли старообрядцев. Тем не менее липоване продолжали двигаться дальше в поисках мест, расположенных ближе к церкви. Они мигрировали в хутора Новопокровский и Новонекрасовский, называя эти места между собой просто «Покровка» и «Некрасовка», или еще дальше, как, например, в приведенном выше нарративе (в Бендеры, Приднестровье).

Здесь следует отметить не только подробность таких рассказов, но и их любопытную особенность: они выстраиваются вокруг каких-то материальных предметов. Так, слушая истории о начальном этапе переселения, я обратила внимание, что практически каждый, кто об

этом говорит (и различий в этом отношении между рассказами тех, чьи семьи вернулись в Румынию, и тех, чьи семьи остались в СССР, нет), – все вспоминают, что уезжавшие тщательно собирались. Они брали с собой все необходимое, после чего садились на пароход. В этот момент от большинства собеседников я слышала: «Вот когда наши вещи побросали в воду, тогда мы все поняли...» Поскольку на пароходе было тесно, вещи переселенцев выкидывали за борт. Практически дословно во многих интервью звучала фраза о том, что «все стало понятно» именно в этот момент. Травматичность миграционного опыта в нарративах передавалась через материальные лишения, отправной точкой которых стал эпизод на пароходе.

Для исследователей биографического нарратива подобная его структура не покажется необычной. Более того, биографический нарратив не может выстраиваться без опоры на материальное. Очевидно, что, рассказывая о своей жизни, люди говорят о предметах, кажущихся им значимыми, и эти предметы выступают как опорные точки памяти.

В данном случае для анализа воспоминаний о переселении продуктивным видится привлечение современных теоретических исследований миграции и материальной культуры на их пересечении [см., например, Basu, Coleman 2008; Burrell 2008; Frykman 2009 и др.]. В антропологических исследованиях «мира мигранта» внимание уделяется самому широкому кругу предметов: «осознавая гетерогенную и многозначную природу понятия материальности, мы принимаем практичное и инклюзивное определение материальности, имея в виду такие предметы из “мира мигранта”, как пищу, одежду, архитектуру, общественный транспорт, языки, семейные альбомы, письма, лекарства, танцы, звуки, запахи, интернет, окружающую среду и т.д.» [Wang 2016, 4].

Такая оптика позволяет проследить, почему при эмиграции люди берут с собой именно эти вещи, каким образом через вещи происходит сохранение значимых социальных связей, воспоминаний, элементов повседневности или каким образом вещи, которые старообрядцы берут с собой из дома, формируют их повседневность в миграции и на новых местах жительства.

Воспоминания старообрядцев о начальном этапе переселения выстроены вокруг парохода: нарратив, как правило, начинается с того,

как вещи мигрантов выбросили с парохода, а когда они с него сошли, началась совсем другая жизнь. Пароход превращается в опорную точку воспоминаний, значимый материальный предмет из мира мигранта.

П.: Пошли наши дедушки в Россию. Мой дедушка пошел в Россию. М.: Не пошли сами, просто пришли люди и сказали: «Пойдемте к нам на хорошую жизнь». Вот так говорили русские. И они побросали дома... П.: Побросали дома и поехали в Россию. Пароходами по Дунаю они везли их туды. На пароходах по воде. И они позабрали багажи и бочонки – все позабрали из отсыда и пошли. Моя рода пошла и ее рода пошла [говорят друг о друге. – *Н.Д.*]. М.: А моя мама осталась, я еще не была рожденная. И это они пошли – это ради голода. Дюже у нас голодно было [большинство моих собеседников говорили о том, что причиной переселения стал голод в Румынии, поэтому люди семьями переселялись в Россию. – *Н.Д.*]. П.: Голод у нас большой был. М.: А там было все немцами разбито. И им не было, куды притулиться, куды приют. И там у развалинах жили. Потом хаты поподелали себе (М, жен., 1947 г.р.; П, жен., 1948 г.р.).

Вещи в нарративах играют важную роль и в отношении деталей, передающих последующие повседневные изменения. Так, мои собеседники рассказывали о том, с какой острой нехваткой базовых бытовых предметов столкнулись переселившиеся на новые места старообрядцы. Все эти рассказы строятся с опорой на те вещи, которые присутствовали в их жизни до переселения и которых не стало после.

Когда мы пошли в Россию, сколько же мы там перживали... пришли: ни хат, ничаво – и строили, и голодовали, и корни ели, рассказывала. И как они горевали, пока они на ноги встали опять.... Пошли на хорошую жизнь, побросали дома, и... и зямля была, и вино была, и всё была. Пошли жить хорошо... (Ф, жен., 1954 г.р.).

Мы говорим: «Пойдём мы шукать себе где-нибудь перебыть, чтобы нанять дом один, да все туды пойдём [речь о том времени, когда они только переселились в Астраханскую область, и им негде было жить, а дальше рассказ о том, как взаимодействуют с местным населением. – *Н.Д.*]. А потом уже будем или строиться, или будем еще расшукивать порожние комнаты, чтобы пережить». Собираются. И потом, когда они

собрались пойти шукать себе домовлю, она говорит: «Ну куда ж вы уходите? Ну нельзя ж так. Возьмите вот!» [местная жительница дала им дров, чтобы они могли протопить свою хату. – *Н.Д.*]. Наклала дров в мешок им. «Протопите. Там она ж холодная. Не будете ж вы к звёсткам приставать?» Наклала дров, наклала у казан звёстки, щётку дала. «Вот таперь идите!» И пошли по той. И потом мы перебрались туды. Ну, приехали – сперва ни хлеба у нас, ничего... (Е, жен., 1943 г.р.).

Воспоминания липован о том, как они пережили первую зиму после переселения в Астраханскую область, записала Е.В. Паунова, которая проводила исследования в селе Успех Камызякского района: «Тутка ничего не было, <...> пустыня была, змеи ды воронки, ды люди голодные. На берегу кинули нас, потом в клуб привязли, и мы в клубе валялись. А после у пабарванные хаты рассялили – корейцы раньше там жили – одне стены, ни вокошек ни дверей – ничевенько. В Рамынии нам немецкие кварталы обещали. Не поняли – какие после войны такие немецкие кварталы – Россия вся разволочена. Отцы наши, первое, шапки сняли и нам в ноги: “Простите нас, дети, Христа ради! Мы вас на жизнь вязли, а оказалось, за змий”. На Покров приехали, уже холода. Воду грели, глину мясили, хлеба по месяцу в рот не брали. Перзимовали как – да помилуй Бог» [Паунова 1998, 41].

Если систематизировать зафиксированные нарративы о переселении 1947 г., то можно говорить о том, что в этом случае «миры мигрантов» включают следующие материальные предметы (вокруг которых, как правило, выстроены воспоминания).

1. **Дома / бараки.** Рассказы о жизни после того, как переселенцы сошли с парохода и оказались на своей исторической родине, включают воспоминания о том, как они сначала оказались в бараках, а после этого обустроивали свои дома.

2. **«Багажи» (вещи).** На вопрос о том, что конкретно брали с собой, когда переселялись, мои собеседники часто отвечали: «Да брали багажи».

3. **Иконы.** Икона – это тот предмет, который особенно отчетливо выделялся моими собеседниками из «багажей», рассказы о взятых с собой иконах фигурируют в каждом интервью о переселении. Если старообрядцы выбирают самую важную для себя икону, то они, как правило, выберут ту, которой их благословили в день венчания.

Слушая рассказы о переселении, я уточняла, какие именно иконы брали с собой. Вот, например, ответ одной из моих собеседниц, вернувшихся в Румынию из СССР. Она рассказывает о том, какие иконы брала с собой на историческую родину ее свекровь: «Взяла иконочку с собой, только одну икону. Она как... дюже она была большая. Дала ее дяденьке Андрею этому, что мы ездили к нему [к тому, который жил в Астраханской области. – *Н.Д.*], она такая большая была, она... Как же она ее будет везть? Назад же... Волум [*рум.* ‘объем’, ‘размер’. – *Н.Д.*] большой. И взяла маленькую – Богородичку. Маленькую» (Л, жен., 1946 г.р.). Переселяясь из села Сарикёй в СССР, она брала большую икону, которая у нее стояла в переднем углу, но обратно при возвращении везти ее не могла, поэтому взяла не самую значимую для себя, а только маленькую иконку.

4. Удочки, сети. В коллективных интервью с участием мужчин среди предметов, которые брали с собой, назывались удочки для ловли рыбы и рыболовные сети. По словам опрошенных, они знали, что там, куда едут, удочки были «не такие», и им непременно нужны были свои удочки и сети, хотя уверенности в том, что на новом месте удастся ловить рыбу, у них не было. Е.В. Паунова на основе своих интервью с переселенцами в Астраханскую область также обращает внимание на то, что при миграции из Румынии «рыбаки “тянули” все необходимое, без чего невозможно было начать свой “рыбальский” промысел: сетки, волокуши, турбуки, трацдадаи, кубари, вентеря, сочму, самару, зюзьгу и т.д.» [Паунова 1998, 42].

5. Документы. Практически все мои собеседники отмечали важную роль документов в организации переселения. Из Сарикёя был вывезен ряд семей, но, по воспоминаниям, представители властей обещали вывезти в СССР и вторую часть людей, однако переезду многих семей и воссоединению родственников, например, с разной фамилией, помешали документы: «Говорили: сейчас первую серию заберем, а потом вторую – и не приехали вторую серию забирать. А маму не могли взять из-за актов [*рум.* ‘документы’. – *Н.Д.*] – надо было другие акты делать» (М, жен., 1947 г.р.). Другая местная жительница вспоминает: «А пришла время – стали давать акты, чтобы они все приезжали сюды. Разлука была такая страшная» (П, жен., 1948 г.р.).

6. Письма, фотографии. Это те вещи, о которых помнит и нередко хранит в своих домах современная молодежь – третье поколе-

ние, знающее о событии только на основе рассказов старших родственников и односельчан. Именно фотографии уехавших родственников, встреч с ними или письма, которые они слали, зачастую становятся триггером воспоминаний о рассматриваемом сюжете. Интервью с представителями третьего поколения показывают, что они знают о переселении 1947 г., о том, что «в голодный год» их бабушки и дедушки мигрировали в СССР, кто-то возвращался, какие-то родственники их навещали. Но лучше всего, судя по их рассказам, они помнят, что их бабушки и дедушки слали оттуда необычные письма, с пометками на полях. Вот, например, как об этом вспоминает житель села Сарикёй 1979 г.р.: «Когда повыехали наши липоване в 1947 году, ну... обещали, что там дюже хорошо будет. Там, квартиры, всё будет прекрасно. И после уже писали, портреты слали. И был такой... пароль секретный: “Будет все хорошо, нарисуем цветок”. У нас есть портреты старые, есть на них и цветочки...» (А, муж., 1979 г.р.).

Аналогичный сюжет в другом старообрядческом селе региона зафиксировали А.И. Зудин и Н.А. Власкина в книге «Русская связь: история и культура старообрядческого юга России и зарубежья» [Зудин, Власкина 2016]. Им свою историю рассказал житель села Черкесская Слава Григорий Федорович Дементей, 1931 г.р.:

Наши, когда уезжали отсыда, советывали. Мы оставались, советывались с ими, как вы нам будете писать: bravo там, не bravo. Как нам быть? Если bravo, то приедем и мы. А ежели плохо, то мы не поедем. А оне пытали у нас, как мы будем писать. Нам не дадут воли писать, что мы там плохо живём. Оне записку возмуть, побарвуть и поглядять, как ты написал своим назад домой. Оне говорят, будем так писать: хто тута живёт bravo, его звать Иван, Григорий, там по-разному, хто bravo живёт, богатые хто, мы будем писать: «Поклон Ивану!» Догадывайтесь, что bravo живём, богатые, А который бедно живёт, мы будем писать: «Поклон Ивану тому!» – мы будем знать, что бедно там живут. И вот как писали, шоб не догадывались, русский шоб не догадывался [Там же, 20].

Исследованием сюжета о миграции 1947 г. среди старообрядцев Румынии, но при этом из других поселений занималась Л.К. Гаврюшина. В хуторе Новопокровском ей удалось поговорить с двумя пе-

реселенцами из села Черкесская Слава, которые рассказали о том, как их семьи добирались до Краснодарского края:

«Да, под Крещение гадали... под старый Новый год... В Крыму – там же церкви не було, службы никакия не було, – гадали», – с улыбкой говорит тетушка Феня, вспоминая о скитаниях своей семьи после прибытия ее на историческую родину. «С Асканьи – в Крым, из Крыма в Грузию мы поехали...». – «Из Грузии уже сюда мы приехали, – подхватывает тетушка Татьяна. – В Крыму мы не были, а мы были в Херсоне, Аскания-Нова». – «Мы тоже были в Аскания-Нова, – продолжает тетка Феня. – А потом же вербовали у Крым... Фросю брать, а Максима оставляють, а у ей дети маленькие. Тятюку брать и Василя брать, а мамку оставляють с детьми. Подогнали машину и всех гуртом посадили и уехали, а тятюку оставили с коровой в Аскания-Новой» [Гаврюшина 2018, 164].

Л.К. Гаврюшина также записала рассказ «тетушки Марии, жительницы села Гиндерешть, о несостоявшемся переселении местных жителей в Россию, в котором о жизни в Румынии говорится как о жизни “в своей стране”» [Там же, 163]:

Был у нас голод дуже, не было хлеба. Так-то рыбы было полно, ели без хлеба рыбу, – знаешь, голод дуже был. Ну, таперь с вашей стороны, с России приехали, записали, – кто в Россию хочет иттить, – совсем жить, жители чтоб были. И наших тьма пошли в Россию. Ну пошли они, пошли... Таперя другая серия – приезжают опять, опять пишут нам и мы записалися ... папа, тятенька – ну, позаписалися. Много ли у нас в селе – мало оставалось фамилий: одна пошла и другая пойдет. Таперя позаписалися, ну таперичи батьки-матки старые гово́рют: «Мы пойдем, попа только постановют нам, да пойдем с попом в Россию». Поставили того самого батюшку – то мой дядька родный. Поставили того батюшку: «И пойдем и мы за им в Россию на жизнь, тут голод у нас был страшный. Пойдем!» Багажи уже складаем, управляем хаты... Когда отъезжали – продавали другим. Ну и что-то переворота была там и нас не взяли. И так мы поосталися тутотка – в своей стране – до этих пор, а хотели все в вашу страну... [Гаврюшина 2018, 163].

По мнению исследовательницы, этот пример свидетельствует о том, что переселение могло стать возможным «лишь при условии должного устройства церковной жизни» [Там же, 163]. О важной ро-

ли старообрядческой церкви в выборе места проживания свидетельствует приведенное в начале статьи воспоминание о женщине-«законнице», семья которой в поисках подходящей церкви дошла до Приднестровья. Однако нередко старообрядцы переносили религиозную жизнь в домашнее пространство или ездили в церковь в соседние поселения. Кроме того, следует отметить, что в нарративе, записанном Л.К. Гаврюшиной, переселение не состоялось по другим причинам, что, при всей значимости религиозного фактора, не позволяет сводить миграционный контекст лишь к наличию/отсутствию церкви: «Ну и что-то переворота была там и нас не взяли» (ср. с воспоминаниями жителей Сарикёя о том, что «не приехали вторую серию забирать», «маму не могли взять из-за актов», то есть документов).

В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что воспоминания о переселении, как любой другой автобиографический нарратив, выстраиваются вокруг отдельных материальных предметов. В рассмотренном сюжете о миграции румынских старообрядцев в СССР в качестве важнейших вещей в нарративах местных жителей фигурируют предметы: а) обеспечивающие сам миграционный процесс (транспорт – пароход, документы); б) формирующие повседневность на новых местах (дома, церковь, иконы, одежда, удочки для ловли рыбы); в) обеспечивающие сохранение значимых социальных связей (письма, фотографии).

Список информантов

Зап. в с. Сарикёй (у. Тулча, Румыния) в 2016 и 2018 гг. Личный архив автора.

Ч – жен., 1948 г.р.;

Л – жен., 1946 г.р.;

А – муж., 1979 г.р.;

П – жен., 1948 г.р.;

М – жен., 1947 г.р.;

Е – жен., 1943 г.р.;

Ф – жен., 1954 г.р.

Литература и источники

- Гаврюшина 2018 – Гаврюшина Л.К. Старообрядческие села Румынии: жизнь поколений и судьба традиций // Славянский мир в третьем тысячелетии. Вып. 13. № 3–4. 2018. С. 160–173.
- Зудин, Власкина 2016 – Зудин А.И., Власкина Н.А. Русская связь: история и культура старообрядчества юга России и зарубежья. Приморско-Ахтарск, 2016.
- Паунова 1998 – Паунова Е.В. Легенды астраханских липован // Живая старина. 1998. № 2. С. 41–43.
- Basu, Coleman 2008 – Basu P., Coleman S. Introduction: Migrant Worlds, Material Cultures // *Mobilities*. № 3 (3). 2008. P. 313–330.
- Burrell 2008 – Burrell K. Managing, learning and sending: the material lives and journeys of Polish women in Britain // *Journal of Material Culture*. 2008. № 13 (1). P. 63–83.
- Frykman 2009 – Frykman M. Material aspects of transnational social fields: an introduction // *Two Homelands*. 2009. № 29. P. 105–113.
- Wang 2016 – Wang C. Introduction: The ‘material turn’ in migration studies // *Modern Languages Open*. 2016. P. 1–11.

Materiality of Mobility: Objects in Migration Memories of Old Believers

Natalia Dushakova

(Russian State University for the Humanities,
Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

ORCID ID: 0000-0003-4486-5367

PhD in History, researcher

Centre for Scientific Projects, Russian State University for the Humanities

Miusskaya sq. 6, Moscow, Russia, GSP-3, 125993

Tel.: + 7 (495) 250-66-41

School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Academy of National Economy
and Public Administration

Prospect Vernadskogo, 82, Moscow, Russia 119571

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: dushakova@list.tu

Summary: The article is devoted to the study of a migrant’s material world based on the analysis of the memories of one of the most significant event in the history of the Old Believers in the village of Sarichioi (Romania, Tulcea dis-

trict) – the migration to their historic homeland in 1947. Based on the interviews recorded in 2016 and 2018, the article shows how the things that the Old Believers took with them formed their everyday life in migration and in new places of residence; what objects they considered to be important for maintaining the habitual way of life and the connection of generations. The most important things in the narratives of local residents are objects that a) ensure the migration process itself (transport, documents); b) form everyday life (houses, church, clothes, icons, fishing rods); c) ensure the preservation of significant social connections (letters, photographs).

Keywords: *Old Believers, migration, migrant world, materiality, oral narratives, Sarichioi*

References:

- Gavriushina, L.K. 2018. Staroobriadcheskie sela Rumynii: zhizn' pokolenii i sud'ba traditsii. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii* 13 (3–4): 160–173.
- Paunova, E.V. 1998. Legendy astrakhanskikh lipovan. *Zhivaia starina* 2: 41–43.
- Zudin, A.I., and N.A. Vlaskina. 2016. *Russkaia sviaz': istoriia i kul'tura staroobriadchestva iuga Rossii i zarubezh'ia*. Primorsko-Akhtarsk.